152 02
85

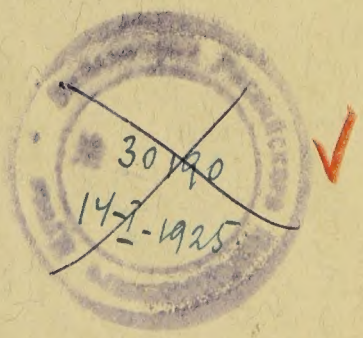
02
85

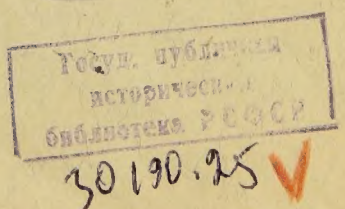
А. М. ГНѢВУШЕВЪ.

Сибирскіе города въ смутное время.

Ц. 20 коп.

КІЕВЪ
Типографія 2-й Артели, Владимірская, 43.
1914.


30190
14-I-1925


Госуд. публичная
историческая
библиотека РСФСР
30190.25

Многоуважаемому Дмитрію Ивановичу Иловайскому от автора

Сибирскіе города въ Смутное время.

I.

Смутное время застало сибирскіе города и сибирскихъ служилыхъ людей въ тотъ періодъ ихъ жизни, когда далеко еще не была сколько нибудь приведена въ норму жизнь этой далекой окраины. Русское населеніе въ то время было совершенно ничтожно: оно вполнѣ исчерпывалось тѣми служилыми людьми, которые сидѣли по городкамъ и острожкамъ, чтобы держать въ повиновеніи недавно взятыя подъ великую государеву руку племена сибирскихъ инородцевъ. Сами по себѣ почвенныя и климатическія условія мѣстностей Сибири лежавшихъ по тому пути, которымъ шла первоначальная колонизація, не привлекали къ себѣ русскаго крестьянина земледѣльца. Весь ходъ сибирской колонизаціи свидѣтельствуетъ объ этомъ. Въ самомъ дѣлѣ, всматриваясь въ ходъ колонизаціи Зауралья, начатой усиліями частной предпріимчивости нельзя не замѣтить одной весьма характерной ея черты. Двигался „за камень“, какъ тогда называли Уральскій Хребетъ, не русскій крестьянинъ въ поискахъ за свободными землями для земледѣлія, а промышленникъ — купецъ, искавшій въ новой землѣ новыхъ источниковъ промысла въ видѣ естественныхъ богатствъ, искавшій среди богатаго мѣхами инородческаго населенія выгоднѣйшихъ условій для мѣновой торговли. Для достиженія этой цѣли наиболѣе видные представители тогдашнихъ купцовъ-промышленниковъ пользовались отрядами гулящихъ вольныхъ людей, которые были воинами, а не хлѣбопашцами, которыхъ надо было „кормить,“ а они взамѣнъ этого „покоряли“ татаръ и вогуличой, заводили торги и охраняли интересы русскихъ торговыхъ людей.

Дѣятельность Строгановыхъ не составляла въ этомъ отношеніи исключенія. Во второй половинѣ 16 вѣка, а можетъ быть и ранѣе, купцы-промышленники Поморья и Подвинья хорошо знали пути въ сѣверную Сибирь и ежегодно направлялись туда цѣлыми караванами: помимо двухъ путей черезъ Уралъ они знали и морской путь къ устьямъ Енисея и Таза, гдѣ находилась мѣстность Мулгазея или по русски Мангазея, представлявшая для купцовъ въ буквальномъ смыслѣ золотое дно. И эта торговая дѣятельность сопровождалась „покореніемъ“ инородцевъ. Опираясь на вооруженную силу, которую представляли ихъ караваны, купцы-промышленники не только торговали съ инородцами, но и собирали съ нихъ въ свою пользу ясакъ, прикрываясь царскимъ именемъ.

Московское правительство въ своей колонизаторской дѣятельности повторяло въ сущности ту-же программу, что и частныя лица, но только въ болѣе широкомъ масштабѣ. Оно вовсе не было заинтересовано въ томъ, чтобы „новыя мѣста“ дали выходъ избыточному населенію, ибо московское государство страдало не отъ избытка, а отъ недостатка населенія. Радость, которую обнаружилъ Грозный при извѣстіи о распространеніи русскихъ владѣній за Уралъ имѣла другую причину: для государевой казны открывался новый источникъ обогащенія однимъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ для нея товаровъ—мѣхами. Московское правительство сразу учло возникновеніе этого новаго источника обогащенія и взяло торговлю мѣхами въ свои руки. Для того, чтобы держать „поддавшихся московскому государю“ инородцевъ въ подчиненіи, для того, чтобы сбирать ясакъ, нужно было строить городки и острожки и содержать въ нихъ гарнизоны и давать служилымъ людямъ кормъ. За неимѣніемъ хлѣбопашцевъ на мѣстахъ, московское правительство вынуждено было наложить на населеніе ближайшихъ къ Уралу мѣстностей особый налогъ „сибирскій хлѣбъ“, который это населеніе должно было собирать и свозить въ Верхотурье. Но такая доставка хлѣба была маловыгодна. Во первыхъ для правительства была ясна тяжесть отпуска хлѣбныхъ запасовъ для жителей прикамскихъ и поморскихъ городовъ, а во вторыхъ вслѣдствіе дальности и трудности пути хлѣбные запасы нерѣдко запаздывали и, служилое населеніе въ такихъ слу-

чаяхъ было обречено на голоданье. Поэтому то московское правительство было озабочено созданіемъ на мѣстѣ пашенныхъ людей. Эти правительственныя заботы объ „устроеніи пашенныхъ людей“ у сибирскихъ городковъ встрѣчали, однако, очень сильныя препятствія. Препятствія заключались преимущественно въ томъ, что правительству было очень трудно набрать „охочихъ людей“, которые пошли бы на пашню. Несмотря на предоставленныя льготы и выдачу подмоги и довольно значительной, населеніе неохотно шло „за камень“, и мы встрѣчаемъ цѣлый рядъ отписокъ воеводъ приуральскихъ и прикамскихъ городовъ, откуда въ виду ихъ близости къ Сибири и вербовались охочіе люди, о томъ, что таковыхъ не находится, и воеводы рекомендуютъ обычно при этомъ обращаться въ другіе уѣзды. Недостатокъ охочихъ людей заставлялъ правительство прибѣгать къ ссылкѣ на сибирскую пашню провинившихся людей и къ насильственному переводу крестьянъ изъ дворцовыхъ и черныхъ волостей. Но въ общемъ эти мѣры долго не приводили къ желаннымъ результатамъ, и только со второй четверти 17-го вѣка въ нѣкоторыхъ сибирскихъ уѣздахъ образовалось достаточное количество пашенныхъ людей, но въ то же время двигалась и колонизація все далѣе на востокъ и являлись новые пункты нуждавшіеся въ хлѣбѣ.

Чувствуя недостатокъ въ русскихъ вольныхъ и невольныхъ переселенцахъ, которые сѣли бы на государеву пашню, московское правительство въ концѣ 16-го вѣка обращало свое вниманіе на то, чтобы привлечь къ хлѣбопашеству мѣстныхъ инородцевъ. Но это мало помогало дѣлу: инородцы чрезвычайно тяготились наложенной на нихъ государевой пашней. Такъ, напримѣръ, до насъ дошла челобитная татаръ Туборинской волости 1599 г., въ которой они просили, чтобы вмѣсто государевой пашни, (а ея на всю волость было только около 60 десятинъ), ихъ обложили ясакомъ соболями „чѣмъ государь пожалуетъ“. Да и привлечь къ хлѣбопашеству можно было только сибирскихъ татаръ, у которыхъ оно повидимому существовало, хотя и въ зачаточномъ состояніи и раньше, другіе инородцы для этого были вовсе непригодны.

Такимъ образомъ въ эпоху смуты сибирскіе города далеко еще не были устроены. Смутное время застало русское

населеніе сибирскихъ городовъ въ моментъ наиболѣе сильной дѣятельности по своему устройству, въ то время, когда остановка въ доставкѣ хлѣбныхъ запасовъ приводила къ голоданію служилое населеніе въ буквальномъ смыслѣ слова, и когда далеко еще не наступило время полнаго успокоенія инородцевъ, нерѣдко поднимавшихъ возстанія во имя прежней свободы. Русское пашенное населеніе незначительное по количеству не могло еще сблизиться съ инородцами, а служилые люди невольно разсматривались инородцами какъ враги, ибо ихъ дѣятельность сводилась къ сбору ясака съ инородцевъ, сопровождавшемуся всяческими притѣсненіями.

Въ общемъ это были двѣ совершенно различныя группы населенія, и извѣстія о московской разрухѣ различно отразились въ ихъ сознаніи.

II.

Обособленность русскаго населенія отъ населенія инородческаго, необходимость постоянно держаться на чеку, и общее чувство того, что немногочисленное русское населеніе окружено въ этомъ далекомъ краю враждебно настроенными инородцами, и привели къ тому, что русское населеніе сибирскихъ городовъ старалось всячески скрывать тѣ чувства опасенія и то недовольство, которое могло возникать у нихъ подъ вліяніемъ извѣстій о русской смутѣ. Поэтому-то мы и имѣемъ такъ мало извѣстій о впечатлѣніяхъ произведенныхъ смутой въ средѣ русскаго населенія сибирскихъ городовъ. Отъ времени восшествія на престолъ Бориса Годунова дошло до насъ „измѣнное дѣло“, о которомъ доносилъ въ 1599 году царю Борису Тобольскій воевода. Въ своемъ донесеніи онъ указывалъ, что русскіе люди въ Тобольскѣ говорятъ, какъ можетъ сидѣть на тронѣ тотъ, кто „сѣмена царскіе перевелъ“—убилъ въ Угличѣ царевича Дмитрія. Однако эти „непристойныя и хульныя рѣчи“ не вылились въ форму какого-либо протеста, выразившагося болѣе активно. Недовольство русскихъ людей восшествіемъ на престолъ Бориса Годунова находитъ себѣ очень простое объясненіе въ томъ, что въ Пелымъ вскорѣ послѣ его основанія были сосланы угличане, какъ духовныя лица, такъ и

ѓорожане по извѣстному дѣлу объ убійствѣ царевича Дмитрія Эти люди, помня все зло Борисово, въ отдаленномъ краѣ не смогли сдержать своего негодованія и несомнѣнно распространяли среди населенія свѣдѣнія о смерти царевича въ томъ самомъ видѣ, какъ они имъ представлялись. Хотя извѣстіе о восшествіи на престолъ Лжедмитрія и было встрѣчено въ сибирскихъ городахъ съ радостію, но изъ этого далеко еще нельзя заключить о большей приверженности русскаго населенія къ самозванцу, чѣмъ къ Борису Годунову; съ равнымъ одушевленіемъ принимались извѣстія и о другихъ перемѣнахъ на престолѣ за это время. Отъ времени царя Василія Шуйскаго до насъ дошло одно дѣло по измѣнѣ и „воровству“ томскаго казака Якушки Осокина, который про государя говорилъ „невмѣстимое слово, чего въ умъ нельзя взять“, что „государю не многолѣтствовать на царствѣ, а быть недолго на царствѣ“. Но, если и была нѣкоторая смута въ умахъ сибирскихъ служилыхъ людей, то они ее во всякомъ случаѣ всѣми мѣрами старались не выражать вслухъ. И главной причиной для этого была съ одной стороны боязнь возстанія инородцевъ, а съ другой стороны ихъ полная зависимость отъ московскаго правительства, такъ какъ безъ сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ прожить они не могли, и даже всякая несвоевременная доставка этихъ запасовъ приводила служилыхъ людей сибирскихъ городовъ къ голодовкамъ. Этимъ и объясняется, что служилое да и вообще русское населеніе Сибири „прямило“ тому, кто сидѣлъ на московскомъ престолѣ въ данное время. Вмѣстѣ съ тѣмъ русское населеніе сибирскихъ городовъ и фактически не могло вмѣшаться въ борьбу партій въ Россіи и не только вслѣдствіе своей отдаленности. Оно было слишкомъ поглощено интересами самоохраненія и главную роль въ этомъ отношеніи играли тѣ же заботы о своевременномъ полученіи хлѣбныхъ запасовъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерны грамоты и отписки, которыми ссылались между собой въ смутное время какъ поморскіе, такъ и сибирскіе города. Тѣ оживленныя сношенія между поморскими и поволжскими городами, которыя завязались вскорѣ послѣ того, какъ эти города разочаровались въ „Ворѣ“, на востокъ распространялись не далѣе Верхотурья. Приказные и посадскіе люди поморскихъ и поволъ-

жскихъ городовъ, постоянно сносившіеся между собой относительно общихъ мѣръ противъ „польскихъ и литовскихъ людей и русскихъ воровъ“, хорошо понимали, что города сибирскіе въ этой борьбѣ не смогутъ принять участія, и причины этого были жителямъ поморскихъ городовъ вполнѣ понятны. Еще рельефнѣе обнаружится передъ нами отношеніе сибирскихъ городовъ къ смутѣ, если мы сравнимъ грамоты поморскихъ городовъ, съ грамотами сибирскихъ. Въ первыхъ основнымъ содержаніемъ является съ одной стороны извѣстія, притомъ чрезвычайно подробныя, объ общемъ положеніи дѣлъ, просьбы и требованія о поддержкѣ общаго дѣла присылкой ратныхъ людей и боевыхъ припасовъ и сборомъ денегъ, необходимыхъ для ратнаго дѣла. Помимо содержанія, указывающаго на чрезвычайный интересъ къ общему ходу дѣлъ и само изложеніе въ этихъ грамотахъ поморскихъ городовъ ясно указываетъ на общее одушевленіе ихъ жителей. Повседневные интересы отходятъ въ этихъ грамотахъ на задній планъ, и видно, что ихъ составители цѣликомъ охвачены одной идеей—борьбой съ ворами. Нѣчто совершенно иное представляетъ переписка сибирскихъ городовъ. Воеводы и приказные люди пишутъ другъ другу преимущественно о дѣлахъ повседневныхъ, обычныхъ. Въ грамотахъ затрагиваются тѣ ближайшіе вопросы, которыми интересовалось населеніе и до смуты и послѣ нея. На первомъ планѣ стоитъ полученіе денежнаго и хлѣбнаго жалованья: постоянно встрѣчаются жалобы на несвоевременную доставку его, на нужду населенія. Не меньшая заботливость проявляется въ этихъ грамотахъ и о состояніи умовъ инородческаго населенія; постоянныя заботы о томъ, нѣтъ-ли среди инородцевъ „шатости и измѣны“ и не менѣе точныя отписки о готовящейся измѣнѣ инородцевъ—вотъ что составляетъ содержаніе другой группы грамотъ сибирскихъ городовъ.

Воеводы сибирскихъ городовъ правда не остаются безъ извѣстій о положеніи дѣлъ въ Россіи, но на нихъ эти извѣстія не производятъ особенно сильнаго впечатленія. Обычно извѣстія эти, напримѣръ о побѣдахъ Скопина-Шуйскаго они должны были пересылать въ своихъ грамотахъ изъ города въ городъ, и вотъ получивши изъ Москвы такую грамоту, воевода переписывалъ ее и отправлялъ дальше, но

вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь случаемъ сообщалъ и нѣкоторыя свѣдѣнія отъ себя. И вотъ эти то дополнительныя свѣдѣнія, какъ нельзя лучше показываютъ, чѣмъ было занято вниманіе воеводы въ данное время. Пересылая, напримѣръ, московскія извѣстія о побѣдномъ шествіи Скопина-Шуйскаго къ Москвѣ, объ освобожденіи Троице-Сергіевской лавры отъ осады, извѣстія написанныя въ торжественномъ, высопарномъ тонѣ, Пелымскій воевода дѣлаетъ отъ своего имени приписку о томъ, что денежное жалованье Тобольскимъ служилымъ людямъ уже пришло, а хлѣбные запасы находятся въ пути и уже достигли Верхотурья. Московскія важныя извѣстія объ общемъ состояніи государства для него являются, такимъ образомъ, равноцѣнными съ своими узкомѣстными интересами и нуждами. Ничего подобнаго мы не наблюдаемъ въ перепискѣ Поморскихъ городовъ.

Это равнодушіе къ общему ходу дѣлъ въ государствѣ вызывалось, какъ видно изъ приведенныхъ наблюденій надъ грамотами, обостреніемъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей, но была и другая причина вынуждавшая русское населоніе не заводить смуты и не сориться между собой. Этой причиной было враждебное отношеніе инородцевъ къ русскому, преимущественно служилому населенію. Находясь на положеніи завоевателей среди далеко еще не покорениыхъ инородческихъ племенъ, ожидая съ ихъ стороны „измѣны“ и возстанія, русское населеніе невольно должно было держаться за одинъ противъ населенія инородческаго и ниже мы увидимъ, какъ заботливо оно старалось о томъ, чтобы извѣстія о разрухѣ московскаго государства не дошли до свѣдѣнія инородцевъ, такъ какъ хорошо было извѣстно, какой горючій матеріалъ представляло изъ себя это населеніе. Тутъ играли главную роль не высокія государственныя соображенія объ опасности утраты вновь присоединенныхъ ясачныхъ городовъ, а прежде всего вопросы собственной безопасности.

III.

Совершенно иначе должно было относиться къ смутѣ въ Московскомъ государствѣ инородческое населеніе. Поддавшись подъ государеву руку, частью разсчитывая на помощь московскаго войска противъ своихъ недруговъ, частью

вынужденные къ тому силою оружія инородцы ярко чувствовали и утрату своей самостоятельности и тяжесть ясака, который они уплачивали русскому правительству. Собственно говоря ясакъ самъ по себѣ не былъ очень тяжелъ, но сопровождался сильными притѣсненіями со стороны сборщиковъ. Вотъ напримѣръ какъ собирали ясакъ посланныя за нимъ служилые люди у сыльвенскихъ остяковъ. Прежде всего въ цѣляхъ своихъ „прибытковъ“ они отправлялись за сборомъ ясака крупными партіями: цѣловальникъ, дьякъ и три или четыре человѣка стрѣльцовъ. Эти сборщики помимо государева ясака брали въ пользу воеводы по двѣ куницы съ человѣка да въ свою пользу по куницѣ съ человѣка, что составляло 7—8 куницъ съ человѣка. Недовольствуясь этимъ они требовали у остяковъ для себя подводъ и кормовъ, причемъ имѣли наклонность взимать эти кормы не натурой, а брать за нихъ деньги по крайне преувеличенной расцѣнкѣ (по 20 денегъ, напр. за хлѣбъ, въ то время какъ онъ стоилъ 2—3 деньги, по 12 денегъ за калачъ, а онъ стоилъ $^1/_2$—1 деньгу). Поборы эти разоряли инородцевъ, они на нихъ жаловались центральному правительству, послѣднее удовлетворяло ихъ просьбы, но при недосягаемости мѣстныхъ воеводъ для московскаго правительства, всѣ его распоряженія, не клонявшіеся къ выгодѣ мѣстныхъ властей, не приводились обычно въ исполненіе. То доброжелательное отношеніе московскаго правительства къ инородцамъ, на которое указываютъ нѣкоторые историки Сибири, въ рукахъ мѣстныхъ властей превращалось въ нѣчто совершенно иное.

Инородческое населеніе поэтому было готово поднять возстаніе, и такія попытки мы дѣйствительно встрѣчаемъ. Можно отмѣтить цѣлый рядъ отдѣльныхъ возстаній инородцевъ. Наиболѣе крупнымъ изъ нихъ за разсматриваемое время было возстаніе 1607 года, когда взбунтовались инородцы Березовскаго уѣзда. Возстаніе въ этомъ уѣздѣ приняло очень широкіе размѣры и инородцы даже осадили городъ Березовъ, но осада кончилась неудачно: города они взять не смогли, и не только были послѣ двухмѣсячной осады отбиты съ урономъ, но и одна изъ участницъ заговора княгиня одного изъ остяцкихъ племенъ Кодская Анна была взята въ плѣнъ и посажена въ тюрьму. Вскорѣ одна-

ко она была освобождена и вмѣстѣ съ своимъ новокрещеннымъ братомъ замыслила новое возстаніе уже въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Новое возстаніе должно было не ограничиваться однимъ уѣздомъ: переговоры велись между всѣми инородцами, которые были подвластны московскому государству. Былъ, видимо, подробно разработанъ и планъ возстанія. По раскрытіи этого новаго заговора въ 1607 году русскому населенію пришлось пережить еще тревожное время. Такъ въ указанномъ году по донесенію воеводъ „учинилась болѣзнь бѣсовскимъ недугомъ въ Томскомъ городѣ надъ служилыми людьми и надъ женками“. Воеводы рѣшили изслѣдовать, „кто ту тяжкую болѣзнь на русскихъ людей напустилъ“, и привлекли къ допросу гулящаго татарина новокрещенца Ивана, который „по татарскимъ юртамъ ворожилъ, въ бубенъ билъ и шайтановъ призывалъ“. На пыткѣ Ивашко повинился и объяснилъ, что онъ по порученію татаръ посылалъ на русскихъ людей шайтановъ, а между кузнецкими, томскими и чулымскими инородцами было условлено, что какъ онъ шайтановъ на русскихъ людей напуститъ, они пойдутъ весной на Чулымъ, Томскъ и Кузнецкъ.

Раскрытіе этого заговора, а можетъ быть и неуспѣхъ посылки шайтановъ привели къ тому, что это возстаніе не состоялось: сибирскіе инородцы хорошо помнили, что успѣхъ ихъ возстанія лежитъ только въ его неожиданности, а разъ заговоръ былъ открытъ, и русскіе люди успѣли приготовиться, то возстаніе становилось безполезнымъ, ибо нельзя было надѣяться выйти побѣдителями при столкновеніи въ открытой борьбѣ.

Другой заговоръ упомянутой выше княгини Анны, или Анки, какъ ее называютъ русскія грамоты, относится къ 1609 году и былъ раскрытъ совершенно случайно. Одинъ изъ ѣздившихъ за сборомъ ясака казаковъ нашелъ въ юртѣ стрѣлу, на которой „на деревѣ были нарѣзаны шайтаны“, а желѣзо было стерто; находка эта показалась ему подозрительной, и онъ доставилъ стрѣлу воеводѣ. Здѣсь на нее обратили должное вниманіе, были приглашены свѣдущія лица, и они раскрыли въ чемъ дѣло. Оказалось, что такія стрѣлы инородцы разсылаютъ по юртамъ тогда, когда они намѣрены поднять общее возстаніе, и получившіе такую стрѣлу кля-

лись на ней, что примутъ участіе въ общемъ дѣлѣ. Послѣ этого были привлечены къ слѣдствію тѣ изъ инородцевъ, которые имѣли отношеніе къ стрѣлѣ, были допрошены и съ пытки сознались, что дѣйствительно готовится общее возстаніе и что заговоръ затѣяла княгиня Анна съ своимъ новокрещеннымъ братомъ. Раскрытіе заговора привело къ тому, что возстаніе не состоялось.

Упомянутые сейчасъ попытки инородцевъ къ возстанію не могутъ, конечно, быть поставлены въ связь со смутой. Это были попытки, вытекавшіе изъ тяжелаго положенія инородцевъ, независимо отъ общаго хода дѣлъ въ государствѣ. Онѣ указываютъ только на то тяжелое состояніе, въ которомъ находились въ началѣ 17 вѣка сибирскіе инородцы, и могутъ объяснить намъ, какъ отношеніе къ нимъ московскаго правительства, такъ и отношеніе мѣстнаго русскаго элемента въ разсматриваемое время.

Въ Москвѣ не обманывали себя относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Сибири, и поэтому при всякомъ новомъ восшествіи на престолъ въ посылаемыхъ въ Сибирь грамотахъ инородцамъ иной разъ давали фактическія льготы, а въ другихъ случаяхъ дѣло ограничивалось широкими, хотя и нѣсколько туманными, обѣщаніями льготъ и жалованья. Такъ Борисъ Годуновъ послѣ своего вступленія на престолъ послалъ между прочимъ жалованную грамоту въ Верхотурье и въ Тарскій городъ, по которой воеводы должны были объявить сибирскимъ инородцамъ царскую милость, чтобы на 1600 г. съ нихъ не взимался ясакъ. Въ ней характерно, что милость эта должна была быть объявлена возможно шире, но при этомъ инородцевъ убѣждали, чтобы они выдавали тѣхъ людей, въ которыхъ почуютъ „какую шатость и воровство“. За донесеніе шло царское жалованье и выдача животовъ и вотчинъ виновнаго доносителю.

Грамота Федора Борисовича о его вступленіи на престолъ отражаетъ въ себѣ ту тревогу, которая уже чувствовалась въ Москвѣ. Въ ней особенно подчеркивается, что необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобы непременно всѣ цѣловали крестъ и никто бы не уклонялся отъ присяги. Подобно тому какъ Борисъ объявилъ свое царское жалованье, объявилъ его и Лжедимитрій. Свою грамоту о приводѣ сибир-

скихъ жителей къ крестному цѣлованію и къ шерти онъ заканчиваетъ такими словами: „а какъ къ крестному цѣлованію приведетъ, и мы васъ пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, чего у васъ и въ разумѣ нѣтъ“. Словомъ въ Москвѣ всякій вновь бравшій въ свои руки бразды правленія старался, чтобы сибирскіе инородцы или непосредственно почувствовали на себѣ новую царскую милость или ожидали ея. Тамъ опасались, чтобы извѣстія о русскихъ непорядкахъ не заставили бы всколыхнуться инородцевъ. Та же забота проглядываетъ и въ отношеніи сибирскихъ русскихъ людей къ инородческому населенію. Мы уже указывали, что русское населеніе относилось очень чутко ко всякому движенію среди покоренныхъ племенъ, но кромѣ этого тамъ еще и хорошо сознавали, что извѣстія о московскихъ событіяхъ не смогутъ не найти себѣ отклика въ этой средѣ.

Пока на московскомъ престолѣ только смѣнялись правители, особеннаго замѣшательства среди инородцевъ это произвести не могло, тѣмъ болѣе, что и среди русскаго населенія Сибири эта смѣна не вызывала проявленія крупнаго недовольства. Но дѣло рѣзко измѣнилось, когда въ царствованіе Василія Шуйскаго началась полная разруха съ одновременнымъ существованіемъ двухъ правительствъ. Широко оповѣщая инородцевъ о всякомъ новомъ воцареніи, мѣстные служилые люди съ появленіемъ Тушинскаго Вора были усиленно озабочены тѣмъ, чтобы до инородцевъ не дошли слухи о внутреннихъ раздорахъ въ Московскомъ государствѣ. Можно предположить, что русскому населенію было прямо воспрещено давать какія бы то ни было свѣдѣнія инородцамъ о положеніи дѣлъ подъ Москвой, послѣ появленія тамъ Тушинскаго вора. По крайней мѣрѣ одна изъ грамотъ ясно показываетъ это. Воеводы дознались, что въ 1609 году одинъ изъ остяковъ постоянно обращался съ разспросами къ русскому насесенію и для этой цѣли посѣщалъ различныя деревни. Это встревожило русскую администрацію, былъ произведенъ соотвѣтственный сыскъ, и обнаружилось, что этотъ остякъ объѣзжая своихъ русскихъ знакомыхъ вывѣдывалъ у нихъ о положеніи дѣлъ подъ Москвой. Такъ какъ русскіе либо вовсе уклонялись отъ отвѣта, либо давали отвѣты неясные, то спрашивавшій и самъ имъ говорилъ, какъ бы подчеркивая безполезность

умалчиванія, „а намъ и самимъ то вѣдомо, что русскіе люди на Москвѣ межъ собой сѣкутся“. Эти свѣдѣнія встревожили воеводъ, и не напрасно.

Извѣстія о разрухѣ московскаго государства проникли въ инородческую среду и возбудили среди нихъ надежду на возможность сверженія русскаго владычества. Особенно сильное впечатлѣніе въ этомъ отношеніи произвела грамота боярскаго правительства, призывавшая къ повиновенію „боярамъ московскаго государства“. Инородцы начали прямо говорить, что въ „московскомъ государствѣ царей уже не стало“, а остались „только бояре“, и этотъ моментъ показался имъ наиболѣе удобнымъ для возстанія, такъ какъ свидѣтельствовалъ по ихъ мнѣнію о слабости русскихъ. До насъ дошли только незначительныя указанія на этотъ заговоръ, но и изъ нихъ можно видѣть цѣль его. Задачей инородцевъ было, „чтобы быть имъ себѣ царствомъ, какъ было при Кучумѣ царѣ“. Такая широкая программа должна была привлечь многихъ послѣдователей, и, дѣйствительно, въ 1612 году среди инородцевъ была „шатость и смута великая“. Повидимому, однако, инородческія племена не могли выработать совмѣстно сколько нибудь опредѣленнаго и единаго плана дѣйствій, и воеводамъ удалось не допустить ихъ до возстанія путемъ переговоровъ съ отдѣльными племенами. Такъ, напримѣръ, Верхотурскій казакъ Данилко Шавковъ путемъ переговоровъ удержалъ „отъ шатости и измѣны“ Вогуличей, за что и былъ въ 1613 году пожалованъ, получилъ званіе толмача.

Эта „шатость и смута“ инородцевъ въ 1612 и была единственнымъ отраженіемъ смуты въ далекой сибирской окраинѣ.

Документы и литература. Изданные документы находятся въ Актахъ Арх. Эксп. т. II, Актахъ Историческихъ т. II, Собр. Госуд. Грамотъ и Дог. т. II. Русская Ист. Библіотека т. II, Наше изданіе „Новые Акты Смутнаго времени. Акты временъ царя Василія Шуйскаго“. Неизданные см. Моск. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, портфель Миллера и Моск. Арх. Мин. Юстиціи, „Сибирскій приказъ“. Важнѣйшая литература: Буцинскій „Заселеніе Сибири“, Андріевичъ „Исторія Сибири“, Латкинъ „Енисейская губернія“, Щегловъ „Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ по исторіи Сибири“.

А. М. Гнѣвушевъ.